

УДК [323.22 + 316.3/4]

С.Н. ЧИРУН

МОЛОДЕЖНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ И ПУТИ САМОРЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В ПУБЛИЧНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКЕ

В статье рассматриваются основные научные трактовки понятий “молодежное движение”, “молодежные организации”, проводится их анализ, раскрываются основные характеристики, элементы, приводятся типологии. Наряду с традиционными формами рассматриваются также инновационные “постмодернистские” формы молодежного движения и его значение для молодежной политики.

Введение

Заметную роль в осуществлении публичной молодежной политики сегодня играют общественно-политические организации и движения. На наш взгляд, современное молодежное политическое движение (МД), являясь формой коллективного политического действия и/или участия, а также механизмом и, в некоторых случаях, этапом политической социализации, представляет собой синергичную модель субъектной самоактуализации молодежи в молодежной политике постмодерна, доступную (вследствие институционального плюрализма) и популярную для пассивной молодежи.

Социализацию можно рассматривать как систему многоакторной молодежной политики, в которой акторы имеют близкие ранги и отсутствуют явные лидеры. Она характеризуется высокой степенью анархичности и неопределенности выбора жизненных траекторий. В этом случае молодежная политика представляет собой процесс управляемой социализации молодежи.

В целом же, молодежная политика – это, по нашему мнению, сложная, идеократически детерминируемая, исторически дифференцируемая, многоуровневая система взаимодействия молодежи с институтами и агентами социализации, с акторами, представляющими видное разнообразие молодежной политики, а также между классово- и культурно-стратифицированными группами современной молодежи.

В.К. Криворученко пишет о молодежной политике как о совокупном отношении “к молодому поколению, юношескому движению...” [1, с. 149]. По мнению А.А. Костровой, “совокупная деятельность общественно значимых субъектов политики и, прежде всего, молодежных объединений... придают молодежной политике характеристику публичной политики” [2, с. 27]. Существует подход, согласно которому сама молодежная политика представляет не что иное, как стратегию и тактику молодежного движения [3, с. 22].

Распространен подход, в котором МД рассматривается во взаимосвязи с патриотическим воспитанием и политикой [4]. Ряд исследователей трактуют молодежное движение как синоним молодежной субкультуры [5, с. 465].

Ф. Малер рассматривает молодежное движение в качестве механизма “освобожденной социализации” [5, р. 48]. Подобной же точки зрения придерживаются такие исследователи, как В. Адамски, О. Бэдина, Н.М. Блинов, Р. Даткулеску, Ф. Гажо, И.М. Ильинский, А. Матейовски, Г. Мюллер [6]. В концепции политологов М. Карвата и В. Милянковского молодежные организации и МД производят из молодого поколения новое качество, “...создают из него общественный субъект...” [6, с. 16]. Исследователь Н.А. Хохлова определяет молодежное движение, как совокупность молодежных организаций [7, с. 18].

В.А. Луков видит в МД способ участия молодежи в процессе смены и преемственности поколений [6, с. 66].

По мнению И.Н. Кольжановой, молодежь представляет собой наиболее удобный инструмент для организаторов переворотов, поскольку именно "...против молодежи вдвойне преступно использовать силу" [8, с. 17]. Молодежь эпохи постмодерна управляема при помощи маркетинговых и пиар-технологий: организации флэш-мобов, раздачи маек, кепок, наклеек, шаров и т.д. Медиасредства коммуникации являются для молодых привычными источниками ценностей. Обостренное гендерное восприятие обеспечивает интерес юношей и девушек к эпатажным субъектам политики. В постмодерне для молодых людей уже не существует значимых идеологических оснований, способных их объединить и организовать, поскольку они ей не интересны, сама жизнь гораздо насыщеннее и чувственнее. Им чрезвычайно импонирует игровой стиль современной жизни – риск и неопределенность, яркость и красочность прилагаемых усилий. Именно поэтому молодежные группы наиболее восприимчивы к постмодернистским технологиям в политике. Многие политические движения уже сейчас являются постсовременными, они, вбирая в себя осколки классических идеологий, ориентированы на эпатаж и аффект, на неформальное, чувственное восприятие действительности.

Впрочем, политолог И.П. Якушева, напротив, отмечает высокую степень формализации процедур, связанных с созданием "оранжевых" молодежных организаций и использованием технологий МП для активизации в обществе протестных настроений. Причем данная технология, по мнению исследователя, была "...основана на использовании стандартного набора способов и моделей организации деятельности, предполагающих использование как имеющихся общественных объединений, так и создание новых, претендующих на лидерство..." [9, с. 64].

Однако следует заметить, что современная молодежная политика уже не ориентирована на будущее, она исходит из важности ситуации и соответствия моменту, что характеризует ее сущностную трансформацию. Так, А.Г. Дугин констатирует трансформацию самой природы политики и ее превращение в пост-политику [10].

Основная часть

Несмотря на достаточно высокий научный интерес к различным аспектам молодежных объединений, вопрос о характере субъектности молодежи, ее роли в функционирующей в России модели молодежной политики до сих пор нуждается в теоретическом осмыслении с учетом нынешней общественно-политической ситуации, долгосрочных целей общественного развития и новых вызовов, а также тенденций социальной идентификации молодежи.

Здесь сохраняется, а в условиях постмодерна даже углубляется ряд проблем, требующих аналитической проработки. К ним можно отнести:

- концептуальное осмысление роли и места молодежных организаций в системе молодежной политики современной России;
- выявление доминирующих геополитических и внутривнутриполитических процессов, влияющих на роль молодежного движения в трансформации молодежной политики;
- выявление причин трансформации субъектности молодежи постсовременной России в молодежной политике;
- определение актуальных политических, социально-экономических, социально-психологических, ситуационных, организационно-управленческих, инфор-

мационно-коммуникационных аспектов формирования и функционирования обновленной модели молодежной политики, отражающей императивы постмодерна.

Молодежная политика в наше время представляет собой процесс, развертывающийся от политического к постполитике. Она становится виртуальной, существующей только в пространстве презентации, в высказывании, в плоскости “экрана”. Политическое исчезает как таковое, теперь начинается иной процесс – процесс постполитики. В постполитике происходит перманентное рециклирование десемантизированных псевдополитических высказываний. Их наполнение может быть произвольным, герои сюжетов – любимы, сценарии и драматургия ничем не связаны с реальностью. Виртуальный мир медиакратии не просто творит мир, он его растворяет, настойчиво навязывая собственную “повестку дня”.

В постполитике, пишет А.Г. Дугин, упразднены цель, традиционное понимание власти, долга, ценности, а главным смыслом постполитики является игра. “...Множество сингулярностей движутся спонтанно в виртуальном пространстве, созерцая заведомо бессодержательное нескончаемое “зрелище”, подчиняясь спонтанным спорадическим импульсам... Эти постполитические импульсы суть последние следы автономной онтологической организации человеческого существа... Проявляясь в постполитическом пространстве, они мгновенно вспыхивают и гаснут...” [10, с. 285].

Высшей властью в постполитическом обществе обладают СМИ. Быть актором, субъектом в “постполитике” означает “быть показанным”, “упомянутым”, “отмеченным”. Виртуальный мир медиакратии не просто творит мир, он его растворяет, настойчиво навязывая собственную игровую, ироничную повестку дня. И хотя в таком обществе политика не исчезает, но исчезает традиционное “политическое”, и, соответственно, политика становится полностью дезонтологизированным полем игры случайных псевдополитических образов.

Рассматривая процессы по смене политической власти в ходе “оранжевых” революций, в том числе и события 2000 г. в Югославии, где оппозиция отстранила от власти С. Милошевича, становится очевидным, что они проходили по схожим сценариям (в Грузии, на Украине, в Киргизии). При этом, как представляется, сходство “революционных” технологий ненасильственных действий оппозиционных политических сил, применявшихся в Югославии, Грузии, на Украине и в Киргизии, доказывает, что данные события, во-первых, были организованы и поддержаны извне, а во-вторых, не были прямым следствием глубоких кризисных политических, экономических и социальных процессов в указанных странах. То есть “оранжевая” революция, в отличие от просто “революции”, имеет экзогенный (сформированный извне) характер. Это, в частности, подтверждается тем, что ни в одном из этих государств не произошли значительные изменения в общественно-политической системе.

По мнению большинства политических наблюдателей, никто в этих странах не собирается всерьез заниматься ротацией элит, приоткрывая каналы политической мобильности, вводить в элиту пассионариев из низов. Такова практика, а не конъюнктурные намерения, тиражируемые в заявлениях лидеров “цветных” революций. Ротации подвергается лишь часть политической и экономической элиты, как правило, противостоявшая тем, кто одержал верх в битве за власть в республике. Разумеется, местные кланы производят передел сфер влияния, но никаких серьезных изменений в осуществлении экономического и социального курса не происходит, поскольку большинство представителей новой “революционной элиты” занимали весьма высокие посты при прежних режимах.

Таким образом, в ходе так называемых “оранжевых” революций молодая и прозападная часть элиты, используя технологии молодежной политики постмодерна, протестную энергию широких масс населения, стремление молодежи к субъектности, представленности в политике, захватывала власть у более консервативной части политической элиты.

В политической литературе феномен “цветных” революций справедливо представляется как приуроченный к какому-либо важнейшему политическому событию в той или иной стране (как правило, выборам) политический переворот, осуществляемый при поддержке иностранных государств с целью надления властью политической группировки, управляемой извне. При осуществлении этой деятельности используются новейшие научные разработки в области социальной психологии (технологии манипулирования сознанием) для активизации, как правило, среди политически пассивной части населения особых не критических, зависимых, контролируемых, управляемых состояний политического сознания. В Грузии и на Украине в качестве такой силы выступала группировка национал-либеральных политиков западной ориентации. Политический переворот (“революция”) совершается при помощи комплекса пропагандистских и организационных мероприятий, целью которых является вовлечение в процесс уличной борьбы (перманентных митингов, блокады административных зданий, перекрытий автодорог и т.п.) как можно большего числа людей. Цель этих массовых акций – давление и шантаж на власть, принуждение ее к переговорам с политической оппозицией и в конечном счете к сдаче своих позиций и полной политической капитуляции. Движущей силой массовых акций служат молодежные организации, а организационным и идейным ядром выступают особые, заранее подготовленные и профинансированные структуры, рекрутирующие в свои ряды в основном студенческую и маргинальную молодежь. Так, украинская молодежная организация “Пора” была создана в 2001 г., а подготовку ее активисты прошли в Сербии.

Интересен опыт некоторых государств, перенесших “цветные” революции.

Молодежная организация “Отпор” появилась в Югославии (в Сербии) в 1996 г. По признанию ее создателей, за движением стояла ранее сильно разобщенная сербская политическая оппозиция. “Отпор” избрал своей эмблемой провокационно сжатый кулак. С помощью американского финансирования (National Endowment vor Democracy, International, Republikan Institutc, Open Society institutes, The Soros Foundation) это движение оформилось в мощную политическую молодежную организацию. Примечательно, что участники «Отпора» начинали с того, что по ночам рисовали граффити на стенах домов: сжатый кулак и лозунги “Время пришло”. На одежде “отпоровцев”, наряду с традиционным кулаком, было требование перемен.

Активистов “Отпора” тренировал в Будапеште полковник ВВС США Роберт Хелви. Тренировки с использованием методов ненасильственного сопротивления проводились в соответствии с рекомендациями, изложенными в работе Дж. Шарпа “От тоталитаризма к демократии”. В Грузии, наряду с массовым молодежным движением, ключевую роль в оппозиционной агитации и активизации политического сознания населения сыграл ТВ-канал “Рустави-2”, который спонсировал лично Джордж Сорос через свой Институт “Открытое общество” (Фонд Сороса).

В России, как и в Беларуси, данный проектный сценарий осуществления молодежной политики был заранее обречен, поскольку факторы обесценивания либеральных ценностей и, напротив, повышение значения национально-консер-

вативных установок в молодежном самосознании создали предпосылки для активизации деятельности теллурократических (евразийских и умеренно националистических) молодежных движений и активизации их борьбы с движениями, как правило, спонсируемыми из-за рубежа, придерживающимися таллосократической (мондиалистской) геополитической ориентации.

Особенностью Беларуси стало не только отсутствие объективных предпосылок для “оранжевой” революции, но и то, что Президент республики А.Г. Лукашенко в действительности пользуется поддержкой большей части своего народа, и набранные им на выборах 79,67% голосов отображают реальную расстановку политических сил. Свои лидерские качества, отразившиеся в намерении решительно отстаивать суверенитет страны и пресекать любые попытки силового захвата власти, он продемонстрировал в ночь на 20 декабря 2010 г.

Объективные закономерности и результаты развития экономической и социально-политической ситуации в постсоветских государствах все рельефнее показывают возрастающее значение молодежи в политической жизни. Типовая “революционная” молодежная организация образца начала XXI в. по технологии американского политолога Дж. Шарпа не имеет единоличного лидера, чтобы не быть обезглавленной, а основной стратегией своих действий по дестабилизации политического режима и захвату власти, согласно Дж. Шарпу, молодежь избирает ненасильственное политическое сопротивление, что представляет собой синтез анархизма с методами современной психологической войны.

Таким образом, ведущей движущей силой “цветных” революций выступили массовые молодежные политические движения и организации. Путем спланированной и хорошо скоординированной деятельности, направленной против существующего политического режима, используя современные технологии манипуляции, они добились политизации общественного сознания и всплеска политической активности населения в интересах определенных геополитических акторов.

Характеризуя технологические особенности молодежной политики, задействованные в проведении “цветных” революций на постсоветском пространстве, можно отметить следующие особенности:

1. Действующие молодежные группы были консолидированы либеральными и частично социал-демократическими лозунгами, идеями демократии и правового государства.
2. Манипуляция политическим сознанием политически активной молодежи осуществлялась при помощи сетевых технологий.
3. Значительная часть традиционно политически инертной молодежи втягивается в события под влиянием массового психологического заражения, проникаясь иллюзиями “общности целей”.
4. Политическим манипуляторам удается внушить широким массам молодежи, что их плачевное положение связано с конкретным “антидемократическим” режимом, что приход “демократического” правительства решит если не все, то большинство текущих острых проблем.
5. После свершившегося переворота молодежь обнаруживает себя обманутой, сталкивается с жесткими неолиберальными реформами, со снижением уровня жизни, социальной и правовой защищенности.

В этом случае уместнее говорить о симулякре субъектности молодежи в молодежной политике, нежели о ней как реальном состоянии.

Отметим, что и в настоящее время в антиправительственных выступлениях в Египте (конец января 2011 г.) участвуют в основном молодые люди, воодушевленные постмодернистской революцией декабря-января 2011 г. в Тунисе.

Указанная стратегия и тактика молодежных движений направлена на делегитимацию существующих политических институтов, захват политической власти в стране в целях смены политического режима. Используемый нами институциональный подход к изучению публичной молодежной политики диктует потребность выявить специфику всех ее субъектов, ибо реальная жизнь складывается как интегрированный результат сложной политической “игры” разнообразных акторов, действующих на общественной сцене [2, с. 75].

В 2009 г. Кузбасским отделением Центра консервативных исследований под научным руководством декана факультета политических наук и социологии профессора В.В. Желтова проводилось исследование региональной модели политического участия студенческой молодежи. Использовалась стратифицированная выборка среди студентов семи кузбасских высших учебных заведений с общей выборочной совокупностью 1205 человек. Опрос проходил в октябре-декабре 2009 г.

Наше исследование показало, что кузбасские студенты демонстрируют высокую солидарность в самом факте неприятия радикальных моделей трансформации политического режима и в подавляющем большинстве высказывают симпатии по отношению к политическому курсу Президента Республики Беларусь.

Заключение

В условиях социальной неопределенности, характерной для общества постмодерна, молодежное движение становится значимым актором публичной молодежной политики, важным механизмом политической социализации молодежи и воспроизводства социально-политических отношений в обществе. Однако при этом сами участники могут являться объектами технологий манипулятивного воздействия и быть лишены собственной реальной субъектности.

С другой стороны, анализ политического участия молодежи в современной России, по нашему мнению, показывает наличие здесь большого количества нерешенных вопросов. Потребность определенных групп молодежи, связанная с участием в политическом процессе, направляется в условиях существующих ограничений в латентные каналы, неконвенциональные формы, что в ситуации российского постмодерна приводит либо к активизации сетевых экстремистских проявлений, либо усилению “синдрома абсентеизма”. Эти явления – часть общего кризиса массового сознания, отчужденности части молодежи от политических институтов, недоверия его государственным институциональным структурам, могут являться предпосылкой генезиса постмодернистских, сетевых и прочих как инновационных, так и традиционных форм молодежного экстремизма. В российской модели государственной молодежной политики получает распространение избирательная стигматизация властью молодежных групп, организаций, движений, отдельных молодежных лидеров (часто не представляющих реальной угрозы общественной безопасности) в качестве экстремистов с целью создания образа врагов общества для последующего списания на них своей вины за просчеты (неэффективность) во внутренней, а иногда и внешней политике государства.

С другой стороны, многие члены молодежных организаций (движений), сформированных и финансируемых российским государством (например – “Наши”), имеют ярко выраженную экстремальную политическую идентичность, что проявилось со всей очевидностью при организации форума “Селигер-2010”, и при определенных обстоятельствах (оказавшись не у дел, будучи не востребованы властью) могут, сохраняя присущий им радикализм, превратиться из горячих приверженцев режима в его непримиримых противников – экстремистов. Так, сегодня уже получили известность факты преследования “Нашими” бывше-

го префекта СЗАО г. Москвы О. Митволя, воспрепятствовавшего захвату ими городской недвижимости.

Все это означает, что государство должно выбирать своих “союзников” из числа молодежных движений, руководствуясь объективными критериями и научным подходом, а ключевая функция молодежных организаций и движений, поддерживаемых государством, должна заключаться в активизации социально-политического развития молодежи, в повышении ее реальной, действительной субъектности в молодежной политике (но не ее симулякров), предотвращении тенденций социального отчуждения и маргинализации молодежи, активизации социального участия на основе самоопределения и укрепления гражданской идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Криворученко, В.К.** Молодежь и молодежная политика: термины и понятия / В.К. Криворученко. – М. : Национальный институт бизнеса, 2005.
2. **Кострова, А.А.** Публичная молодежная политика: процесс становления и реализации в современной России : дисс. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / А.А. Кострова. – М., 2008.
3. **Забелин, П.В.** Молодежная политика: стратегия, идеи, перспективы / П.В. Забелин. – М. : Луч, 1998.
4. **Ковалева, А.И.** Социология молодежи: теоретические вопросы / А.И. Ковалева, В.А. Луков. – М. : Социум, 1999.
5. **Mahler, F.** Introducere in Juventologie. Bucuresti: Ed. Stiintifica si enciclopedica, 1983.
6. **Луков, В.А.** Молодежное движение в социалистическом обществе / В.А. Луков. – М. : Мол. гвардия, 1987.
7. **Хохлова, Н.А.** Современное молодежное движение в России: структурно-функциональный анализ : дисс. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Н.А. Хохлова. – Н. Новгород, 2007.
8. **Кольжанова, И.Н.** Общественно-политические молодежные движения в современной России: масса, элиты, лидеры : дисс. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / И.Н. Кольжанова. – Ростов н/Д, 2006.
9. **Якушева, И.П.** Современные молодежные движения как фактор активизации политического сознания в Российском обществе : дисс. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / И.П. Якушева. – М., 2007.
10. **Дугин, А.Г.** Трансформация политических структур и институтов в процессе модернизации традиционных обществ : дисс. ... доктора полит. наук : 23.00.02 / А.Г. Дугин. – Ростов н/Д, 2004.